Дикий хмель

Да, жаркий выдался денек. Зной осязаемой дымкой дрожал в раскаленном воздухе. Путешествовать днем становилось просто мучением. Пот лил градом. Дорожная пыль налипала на кожу, подсыхая тонкой соленой коркой, и нещадно зудела, поэтому небольшая речушка, затерявшаяся в зарослях камыша и ветлы, выглядела просто подарком свыше. Сквозь чистую, быструю воду просвечивало песчаное дно. Стайка серебристых рыбешек сновала на мелководье в поисках пищи.

Ни раздумывая ни минуты, Дэниэль скинул одежду и окунулся в прохладную глубину. Вода омывала разгоряченное тело, унося жар и усталость. Пробултыхавшись с четверть часа, он выбрался на берег, простирнул вещи, развесил их сушиться на ближайших кустах. До селения с громким названием Норп оставалось всего ничего, рукой подать, но спешить было некуда. Его там точно никто не ждал, а речушка манила и уговаривала остаться. Вытащив из котомки краюху хлеба, перекусил, смахивая крошки мелкой рыбешке, которая смело подплывала к самому берегу за подачкой - казалось, протяни руку и лови. И растянулся на песочке в тени плакучей ивы.

Прикрыл глаза, слушая стрекот кузнечиков и незамысловатую птичью песенку - «жить...жить... любить... жить... жить...любить... жить... жить...». Птаха божья понимала в этой жизни куда больше людей, выпевая гимн самым простым и неизменным ценностям. Действительно, ну что еще нужно, кроме как жить и любить? Но человек - создание сложное, ему для того, чтобы прийти к этим банальным истинам, нужно пройти через боль, грязь, кровь. Вот и этот райский уголок с трудом возвращался к полноценной жизни, затягивая страшные раны, нанесенные последней войной: мертвые, выжженные поля, опустевшие выгоревшие деревни, лесные поляны с проплешинами от магического огня... а казалось бы, ну что может быть проще, чем: «жить... жить... любить...» Сон пришел незаметно, накрыл расслабляющей волной, унося мысли в неведомую даль.

Громкие голоса, смех, плеск, стук белья о воду вырвали из блаженного небытия, но сожаления об ушедшем сне сразу отступили, как только он обнаружил источник шума. Местные селянки на противоположном берегу устроили постирушку. Совсем молоденькие и не очень, в одних нижних рубашках, промокших и заткнутых за пояс, обнажавших ноги до самых колен и соблазнительно подчеркивающих очертания тела, селянки с удовольствием полоскали белье, выбивая щелок об воду, подымая столб радужных брызг и одновременно усиленно перемывая косточки отсутствующим товаркам.

Вволю насладившись открывшимся зрелищем, Дэниэль благоразумно отполз в кусты, по пути потихоньку собрав свои вещи. Бабы, конечно, хороши, но ведь за погляд могут и по шее накостылять - случайно или нарочно, разбираться не будут. Полноценную потасовку с ними не устроишь, а быть битым бабьим войском позорно и обидно. Ниже по течению благополучно пересек речушку по шаткому мостку и вернулся по дороге к месту постирушки.

- Эй, хозяюшки, на постой путника не пустите? - визг взметнулся до самых небес, кусты затрещали, когда бабы кинулись за своими вещами. Присев на безопасном расстоянии на взгорок, Дэниэль принялся ждать, пока селянки приведут свои наряды в прядок. Ждать долго не пришлось - накинув верхние юбки да рубахи, самые любопытные уже павами выплывали из-за кустов. Для переговоров вышла дородная баба, с зычным голосом, огромной грудью и внушительными кулаками. Молоденькие девицы благоразумно прятались за ее спиной, а любопытные молодки обступали по сторонам, стреляя шалыми глазками.

- Ты надолго или переночевать?

- Ну, как примете, глядишь - и задержусь на семидницу.

- Ты как мужик-то силен - или как?

- Да пока не жаловались...

- Ну коль на семидницу, то выбирай любую. Все, почитай, вдовые солдатки, любой мужик в доме лишним не окажется. Опосля войны, почитай, на три десятка дворов пять мужиков осталось, да и те - кто старый, кто хворый... Коль совсем осесть решишь так и невесту сыщем, вон какие девки-то подросли, а женихов днем с огнем не найдешь. Хату выделим, не новую, но, коли руки приложишь, жить можно. Без серьезных намерений девиц не тронь - у нас и так молодух хватает. За девок самолично шею намылю.

- Эй, вы поосторожней, с таким напором и путников-то всех распугаете. Я же только переночевать, а вы уже крестины собираете... - бабенки плотными рядами, вроде бы как невзначай, стали напирать, каждая пыталась встать поближе да позу принять поэффектней. Немного вдалеке статная молодка складывала белье в большую корзину, вроде как и не участвуя в смотринах, но как сверкали черные глаза... глянет - огнем обожжет. Толстая коса вилась ниже пояса, губы - малина, смуглая кожа, уже не девчушка, но зрелые женские формы приятно радовали глаз, и еще было в ней что-то такое, что заставило бы оглянуться вслед, - прямая спина, горделивая осанка, бабий нерастраченный жар, перехватывающий дыхание.

- А я, пожалуй, вон к той смуглянке попрошусь, она уже вроде бы как и с постирушкой закончила. Ждать не надо. Пустишь к себе на постой?

- Отчего же не пустить мужика, на которого бабы пока не жаловались? Пущу, конечно... Ну, мужик, хватай корзину, а то мокрое белье неподъемное, да тащи вперед, моя хата с краю.
- Ганка, мужики за версту чуют, на чьём дворе лучшее пиво варят, - и бабы за спиной захихикали, провожатая счастливицу завистливыми взглядами.
- Денег за постой да за стол не возьму, но уж отработать изволь, сам слышал - с мужиками у нас беда, так что на покой и негу не рассчитывай. Все соки выжму, не каждый день мужик к дому прибивается, - сказала, как ножом отрезала, не оставив пути к отступлению.

Хата действительно стояла с краю, чистая такая, ухоженная. Выметенный двор, палисадник с яркими, душистыми цветами - все радовало глаз. В хате пахло воском и сушеными травами, щедро развешенными большими пучками на балках в сенях для просушки. Еще в воздухе ощущался пряный аромат чего-то неуловимо знакомого. Этот запах плыл с чердака, источался стенами, и даже хозяйка пахла именно так, горьковато-пряно и одуряюще.
- Эй, хозяюшка, куда это тебе трав-то столько?
- Какие куда - одни от простуды, другие от других болячек; в Туине лекарь вовремя собранную травку хорошо берет, да еще я варю лучшее пиво и варенуху в наших краях. Трактирщик Хиврон за мое пиво серебром платит. Коли глянешься, угощу, ты такое вовек не пробовал. Бабка у меня травница была да повитуха знатная, а муж из зажиточных семейственных пивоваров. Вот теперь я одна за всех. Летом пиво варю, зимой селян врачую.
- Не тяжело одной?
- Тяжело, да сейчас вся деревня так живет. Мужики полегли на поле, а бабы гробятся в поле. Ты в Лордене случайно в ту пору не был?
- Был...
- Наши деревенские, почитай, все в ту битву и полегли... А ты как?
- Повезло. Выжил. Отвалялся в лазарете - и почти как новый; только временами кажется - лучше бы уж тогда... Не люблю я вспоминать про это...
- Ладно, не любишь - и не надо старое бередить. Ну-ка, похвастайся своей мужской силой, пойди-ка дров наруби да воды натаскай. Чай, вечерком-то в баньку попросишься.

До самого вечера Дэниэль рубил дрова, таскал воду в баню и большую колоду на огороде, подправил скрипевшую ступеньку у крыльца да покосившийся плетень. Когда Ганна позвала в хату, в голове уже крутилась только одна мысль - перекусить и упасть, да где угодно, хоть на лавке, хоть на сеновале.

- Молодец, силен, я думала, раньше сломаешься. Снимай рубаху да нагибайся, на спину полью, до баньки-то тебе, видать, сегодня уже не добраться.

Упругой, тугой струей бьет вода по спине из глиняной крынки, смывая пот и усталость, вызывая ноющую боль в натрудившихся мышцах. Пахнет вода мятой, травами луговыми и все тем же неузнаваемым ароматом. Спросить бы, чем, но уже соседки облепили плетень, переглядываются да зубоскалят.

- Ганка, еще только свечерело, а ты мужика - глянь как ушатала; сбежит от тебя, так мы ведь приберем. Совсем от мужика отвыкла, они же не семижильные, с ними бережно обращаться нужно, ласково.

- Кыш, трещотки. Не завидуйте моему счастью, - и протянула затейливо вышитый рушник.

- Вытирайся да пошли в дом, ужин на столе стынет.

Борщ, грибная солянка, большая стопка блинов, сметана в крынке. Хороша хозяйка, да и насчет варенухи не похвасталась. Пряная, медовая, хмельная, как будто весь аромат лета в себя впитала. Как очутился в постели, не помню. Где то вдалеке, в тумане звучал голос: « Эко, как тебя развезло с устатку. Ну-ка, вставай, милый. Ножками-ножками, да на постельку. Вот и молодец, спи, я тебя утром рано разбужу».

Плохо я спал в ту ночь. Всю ночь меня мучил мой самый страшный кошмар. Я снова шел по Лорденскому полю, после той самой битвы, сломавшей хребет бестолковой и бесславной войне, выискивая раненых и недобитых, и обрывал тонкие нити, связывающие изуродованные тела с душами, прекращая мучения. Желтовато-белый дым все еще клубился в низинах, но туда соваться было бесполезно, там живых уже не оставалось. Легко раненных подбирали и уносили в лазарет, обреченных добивали. Каждый недобитый солдат с наступлением сумерек мог пополнить зловещую армию зомби. Я до сих пор помню ужас солдат, встретившихся взглядом с Легкой смертью в ожидании своего приговора. Наверное, я никогда не сотру из памяти это прозвище и ощущения бившейся в руках тонкой, золотистой нити; легкий рывок - и отлетающая душа. Я всего лишь хотел лечить людей, но каждое знание имеет обратную сторону: кто знает, как лечить, тот хорошо умеет убивать. Ненавижу войну... Проклятый сон. Рядом со мной тенью шествовала укутанная в плащ фигура, заглядывающая в лица каждого солдата...

Еще не рассвело, когда Ганка меня растолкала.

- Поднимайся, нам по холодку еще много дел переделать нужно. Летний день - он зиму кормит.

Крынка холодного молока и горбушка ржаного хлеба, огромная корзина, тропинка, ведущая к роще, травы в росе. Мирная благодать после ночных кошмаров. Густой туман, пахнущий прелой землей и разнотравьем. Когда-нибудь он сотрет в памяти след от желтого дыма, но пока я еще машинально пытаюсь сдерживать дыхание. Вот он, вчерашний аромат... заросли дикого хмеля... Срываю шишку, разминаю в руках, и голова идет кругом...
- Что, мужик, пиво любишь?
- Да кто ж его не любит...
- Ну тогда вот тебе задание... Хмель созрел. Бери только золотистые шишки, стебель старайся не задевать, а то раздерешься весь да заноз насобираешь.
Вроде бы несложная работа - обрывай зрелые шишки с зарослей дикого хмеля да кидай в корзину за спиной; но через полчаса одежда пропиталась росой, настоянной на пряном аромате, руки затекли и покрылись мелкими ссадинами, а в корзине едва дно прикрыто. Далеко впереди маячит прямая спина с горделиво посаженной головой. Интересно, откуда у селянки такая осанка, вот ведь даже коса, уложенная вокруг головы, как корона смотрится. Нет в ней ни капли усталости, как будто не монотонной, нудной работой занимается, а на вечерку павой плывет, еще и напевает что-то негромко.
Когда с полной корзиной я выполз на полянку, Ганка, уже отдохнувшая, валялась в траве с пучком спелой лесной земляники. Пунцовые ягоды не спеша обрывала, едва прикасаясь губами. Прислонив корзину в тенечке к пеньку, я пристроился рядом с Ганкой в траве. Сорвал губами ягоду со стебелька - молчит. Слизнул каплю земляничного сока с тонких пальцев - шалая искорка мелькнула в глазах. Потянулся к губам - отпрыгнула дикой кошкой.
- Не балуй... Эка ты уделался с непривычки. Вон там, за березками, родник пробивается, поди охлонись да умойся. Руки в воде подержи, а то завтра все царапины воспалятся...
Холодна вода в роднике. Зубы ломит. Руки судорогой сводит. Мозги прочищает... Подумаешь, недотрога... Не хочет — не надо. Я ведь тоже не юнец какой-то, чтобы от каждой юбки вспыхивать.
Домой возвращались молча. Поднял корзины на чердак. Вот он откуда, запах-то: весь чердак засыпан хмелем, сохнут шишки в теньке в ожидании своего часа. Собрал подсохший хмель, рассыпал свежий.
Ох, и сложное это дело - хорошее пиво сварить; сродни алхимии. Натаскал воды родниковой, колодезная ни-ни. Дрова под чан только ольховые, чтобы смоляного да дегтярного духа не давали. Тяжелыми ручными жерновами мелко перемолоть ячмень. Варится пиво на слабом огне, чтобы не бурлил отвар, а томился. Стоит Ганна у чана, отвар

помешивает, к запаху принюхивается, то одну травку бросит, то другую, и что-то в ней такое появляется от древних волхвов и давно забытых богов.
- Ганка, как же тебя еще твои деревенские ведьмой не объявили да камнями не забили?
- Так вся слава Норпского пива на мне одной держится: чтобы хорошее пиво сварить, кроме знаний, еще и чутье особое нужно. За пивом в Норп со всей Шеетены приезжают. Вся деревня под эту марку свое пиво сдает. Так что кормилица я у них, куда меня забивать...
Вечером, после сытного ужина и кружки варенухи, я снова провалился в сон, едва до лавки дошел.
Только закрыл глаза, как увидел Ганну в тонкой прозрачной сорочке, варившую пиво. Помешивает и смеется. Зовет меня к себе. Рванулся навстречу - и утонул в хмелевом тумане, который постепенно стал превращаться в желтый дым... и снова я, задыхаясь, иду по Лорденскому полю. Выискивая и убивая малейшие крупинки жизни. И серая тень опять идет за моей спиной, внимательно вглядываясь в мертвые лица.
Я был уже благодарен за столь раннее пробуждение, унесшее мой кошмар. И снова день, как две капли воды похожий на вчерашний. Корзина за спиной, руки, расцарапанные в кровь, одуряющий аромат хмеля. Вода из звонкого, говорливого родника. Тяжелые жернова, перемолотый в пыль ячмень. Взгляд черных глаз, провожающий и обжигающий каждую минуту. Только к вечеру я все-таки попал в жарко натопленную баньку. Вот чего не хватало для полного счастья! Каждая косточка, каждая жилка в натруженном теле пела от удовольствия, когда я растянулся на полоке. Скрипнула дверь, волна свежего воздуха ворвалась в баню. Странные все-таки существа - женщины, они приходят сами, когда их уже перестаешь ждать...
- Да кто же так парится? Ты прям варвар какой-то.
Скинула нижнюю сорочку, представ в первобытной, колдовской красоте. Такое тело создано для любви и материнства... Чертова война, разрушившая все первозданные устои, только птицы и помнят, для чего мы приходим в этот мир: «Жить, жить, любить...»
Плеснула травяного отвара на каменку, сняла березовый веник со стены...
- Ну держись, настоящий мужик, парить буду...
Ах, как прошлась веничком, разгоняя духмяный жар, разминая уставшие мышцы. Баня - это тоже колдовство, она уносит и смывает все, что нас давит и мешает жить, заполняя образовавшиеся пустоты жизнью в высшем ее понимании. Распаренные и отмытые до скрипа, выскочили во

двор, окатились холодной водой из дубовой колоды. Всю усталость длинного дня как рукой сняло.
- Ну что, мужик, пробу с пива снимать будешь?
- А как же, быть в Норпе - и не попробовать знаменитого Норпского.. .наливай, хозяюшка...
Хмель на губах. Волосы, пахнущие хмелем. Тело, впитавшее в себя летний зной. Голова кругом. Во всем виноват дикий хмель. Засыпал, прижимая к себе, щедрый дар хмельного лета...
Кошмар не отступил. Я снова всю ночь бродил по Лорденскому полю, выжигая остатки своего редкого дара, и серая тень шла за моей спиной.

День сменялся днем. Купцы приезжали за пивом, снимали пробу, причмокивали от удовольствия, полновесно платили за хмельной напиток. По утрам корзины с свежим хмелем, поцелуи вперемешку с земляничным соком, чешуйки хмеля, запутывающиеся в волосах, ласковые волны небольшой речушки. По ночам - выматывающие кошмары и Лорденское поле. Я уже стал бояться засыпать. Пробовал набраться и уснуть в хмельном угаре. Но каждую ночь все возвращалось... Легкая смерть шел по полю, собирая свой страшный урожай, и серая тень маячила за его плечом.
Вот она, очередная слабая искра жизни. Нагибаюсь, осматриваю солдата. Увы, я уже ничем не смогу ему помочь, Ожоги по всему телу, оторванная нога, большая кровопотеря и легкие, выжженные ядовитым дымом, синие ясные глаза глядят без страха, черные от запекшейся крови губы шевелятся в безмолвной просьбе. Я ловлю тонкую золотистую нить и резко обрываю, отпуская душу. За спиной навзрыд, по-бабьи голосит серая тень. Для меня «еще один», а для нее «единственный», и нет мне прощения. Я почувствовал себя лишним в своем собственном кошмаре. Надо уйти и дать ей проститься. Тяжело, с надрывом, я делаю то, что проделывал сотни тысяч раз, начиная с самого раннего детства, - выхожу из сна. Открываю глаза. Получилось. Рядом рыдает спящая Ганка. Тихонько встаю, одеваюсь, собираю свой нехитрый скарб в котомку. У двери задерживаюсь - нехорошо оставлять после себя такие воспоминания. Легкая смерть остался на том поле, дар выгорел подчистую, больше ему уже не лечить и не убивать. Тело Легкой смерти притащили в лазарет, где он провалялся в горячечном бреду почти месяц, из лазарета вышел Сен Дэниэль, странник без роду и племени, ни имеющий ничего - ни дома, ни дара, ни друзей. Но даже сейчас, спустя годы после войны, найдутся люди, которые щедро заплатят за то, чтобы найти Легкую смерть и спросить по старым счетам.
Если я смог выйти из сна, значит, нужно попробовать убрать воспоминания о нем. Это же самое простое, на это не нужно много сил.

Вернулся к постели, тихонечко зацепил сеть сна Ганны, прислушиваясь к себе, пытаясь найти то, что мне нужно. Раньше у меня на это уходили доли секунды, а теперь минуты слились в длинную цепь. Вот она, нить памяти, выровнять дыхание и осторожно удалить ее. Утром Ганка проснется и не вспомнит ничего, кроме того, что у нее жил постоялец, который сбежал, гад, даже не попрощавшись. Берусь за нить - и получаю оглушительный ментальный удар. Когда-то в молодости, нахальным юнцом, я получал пару пощечин от взбешенных девиц, но они не шли ни в какое сравнение с этой ментальной оплеухой. В глазах потемнело, в ушах звон, и сквозь этот звон прорывается раздраженный крик Ганки.
- Запомни, я всегда сама решаю, что мне помнить, а что нет...
Ганна сидела на постели, закутавшись в простыню, слезы от недавнего сна еще не высохли на ресницах.
- Нашла, что искала?
- Нашла. Я не могла иначе - для того, чтобы начать новую жизнь, я должна была распрощаться со старой. Его мертвым никто не видел. Он просто ушел - и как в воду канул. Я должна была это увидеть.
- У тебя пропал местный акцент...
- Твоя речь тоже не сильно напоминает бездомного странника...
- Давно копаешься в моих воспоминаниях?
- С первой ночи, когда тебя спать укладывала, случайно поймала нить сна; даже не поверила вначале, кто ко мне на огонек приблудился...
- Ты медиум? Я думал, их не осталось...
- Медиум слабый, а вот травница хорошая. Я-то недоучка из глубинки, но тебя-то в столичной академии натаскивали - и не понял, что пьешь? А я все вздрагивала, когда ты сообразишь, чем варенуха отдает...
- Расслабился, разнежился...
- Все вы, мужики, одинаковые: увидели смазливую бабенку - и бери вас тепленькими...
- Пожалуй, мне пора...
- Я тебя не гнала, ты сам решил. Мужик решил, мужик сделал, что было, того не вернуть. Уходи...
Она била словами наотмашь, как кнутом, за прошлое и настоящее, за то, что не попробовал спасти, за то, что обрек на безрадостное вдовство, за глупость и за трусость - и это было ее право. Мы воюем и убиваем, а их оставляем выживать и помнить.
На утренней зорьке я покинул гостеприимный Норп, унося на губах горький привкус дикого хмеля. Не люблю оглядываться, но не сдержался, оглянулся с дороги, Ганна стояла у плетня, смотря мне вслед. Первые лучи солнца выглянули из-за горизонта, ударив по глазам и сыграв надо мной злую шутку. Я впервые за долгие годы снова увидел бьющуюся внутри нить жизни. Дар возвращался. Я всегда чувствовал,

что в ней слишком много жизни, ее нить быта прочна и крепка, она скручивалась в спираль и двоилась. У этих доморощенных чародеек все не как у людей... а может быть, это просто солнце...
«Жить, жить, любить» - заливалась птаха. Казалось, что может быть проще, а вот, однако, не получается...

- Что-нибудь еще изволите? - поинтересовался трактирщик Хиврон. - Хотите пива? У жены начальника гарнизона подружка в Норпе живет, так что у нас самые лучшие поставки.
- Мне не очень нравится Норпское, на мой вкус, оно слегка горчит...
- Да вы, я вижу, знаток. Но что вы хотите от вдовьего пива - до войны, говорят, этой горчинки не было.
- А, ладно, налей, только неразбавленного, плачу двойную цену.
- Ну что вы, для такого знатока налью, как себе.
- Хорошее пиво, а горчит просто оттого, что варят его на диком хмеле...